Ж·И·З·Н·Ь ФОРМ

НОВАЯ·ФИЛОСОФИЯ·МОДЫ

ЭМАНУЭЛЕ КОЧЧА

АЛЕССАНДРО МИКЕЛЕ

Философия красоты
глазами **Алессандро Микеле**,
креативного директора **Valentino**,
и философа **Эмануэле Кочча**

Эмануэле Кочча
Алессандро Микеле

Жизнь форм. Новая философия моды

Серия «Иконы стиля (Аттикус)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74858976
Жизнь форм : Новая философия моды / Алессандро Микеле, Эмануэле Кочча ; [пер. с ит. М. С. Соколовой].: КоЛибри, АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-34800-4

Аннотация

Надевая одежду, мы превращаем формы и цвета окружающего мира в свою кожу, и эта странная магия делает моду одновременно самым могущественным и самым метафизическим искусством. Поэтому, чтобы обсудить ее, необходимо объединить творчество и философию.

Именно это делают Алессандро Микеле и Эмануэле Кочча в этом беспрецедентном трактате об алхимии жизни форм. Переосмысливая и комментируя работы Микеле и других модельеров, авторы показывают, что только мода способна мгновенно преобразить нашу жизнь, наши тела и наши лица,

дает нам свободу возрождать, свободу создавать новые смыслы и свободу выбирать, кем быть.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От авторов 7
[Введение] 8
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Алессандро Микеле, Эмануэле Кочча Жизнь форм. Новая философия моды

Серия «Иконы стиля»

Alessandro Michele, Emanuele Coccia
La vita delle forme:
Filosofia del reincanto

Впервые опубликовано в 2024 году издательством HarperCollins Italia S.p.A.

Перевод с итальянского *Мильды Соколовой*

© 2024 HarperCollins Italia S.p.A., Milano
© Соколова М. С., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 КоЛибри®

От авторов

Эта книга – плод длительного, непрерывного диалога, нити которого мы переплетали вдвоем, месяцами, между Римом и Парижем. Мы разговаривали на различных встречах, писали друг другу сообщения, говорили по телефону, и эти беседы воплотились в страницы, которые вы собираетесь прочесть. Мы полностью разделяем мысли и высказывания друг друга, но решили предоставить каждому из нас возможность высказаться от себя лично. Именно поэтому слова Эмануэле выделены курсивом, как в древних рукописных текстах Талмуда или Библии, где священные высказывания перемешаны с глоссами. Формы, образованные этими смешениями, служили способом показать, что между буквой и ее обозначением нет на деле никаких существенных различий. Смысл любого слова, даже если оно священно, можно выразить через другое слово, и всякое подобное толкование – уже форма диалога. Нечто подобное происходит и в моде. Смыслом одеяния может быть другое одеяние или аксессуар. Именно поэтому при изучении их форм необходимо использовать такую же методическую и почти религиозную скрупулезность.

Алессандро и Эмануэле

[Введение]
Формы жизни

Все образы приходят к нам из жизни. Не только барочные линии или невероятные краски цветочных лепестков. Не только галлюциногенная геометрия крыльев бабочки. Образы живут повсюду. Там, где возникает образ, зарождается жизнь. И прежде всего там, где мы никак не ожидаем ее встретить.

Это может быть бант, повязанный вокруг воротника, меховая окантовка вокруг подошвы домашних туфель или контур буквы, напечатанной на ткани. Достаточно одного крошечного мазка, чтобы материя зажила своей собственной жизнью. И познание жизни приходит через угадывание ее форм, какими бы они ни были и где бы ни возникали.

Всякая жизнь несет в себе какое-то сообщение. Но в нашем случае, впрочем, слово не обязательно есть знак, отделенный от тела и существования говорящего. Жизнь начинает разговор, когда становится видимой, независимо от интенсивности ее чувственного присутствия: достаточно шлейфа аромата или легкой дрожи, чтобы услышать ее. Таким образом, высказыванием любой жизненной сущности становится принятая ею форма. Тишина в этом мире невозможна: все появляется, все чувствует и все наслаждается

существованием. И эти жизни никогда не прекращают общение, обретая и отдавая форму.

Для Алессандро Микеле мода служит самым емким выражением этой тайной близости формы и жизни, одновременно древней и ультрасовременной. Как ни парадоксально, но на эти мысли меня навели вовсе не роскошные образы его дефиле. Скорее это была незначительная деталь, обнаружившаяся во время одной из наших первых встреч.

Алессандро пригласил меня поехать вместе с ним за город после одного из обедов в Риме. Стены его дома были недавно побелены, и на безликих белых поверхностях дома, построенного еще в эпоху Дезидерия, короля лангобардов VIII века, возник карнавал форм и фигур: орлы, ангелы, гротескные декоративные элементы, потоки самых неожиданных цветов, а также странный символ, похожий на печать с древнего манускрипта. Его очертания походили на дом с увенчанной крестом крышей и подпирающей ее геометрической фигурой, разделенной на треугольники, полные звезд, – будто гороскоп места, астральная тема дома. Появление этих образов изменило обиталище. Все имело голос, все жило.

«Я слушаю шепот предметов, – сказал мне Алессандро, – будто лозоходец». По мнению этого уроженца Рима, города, который он однажды назвал «Атлантидой прямо под ногами», у образов нет возраста: жить – значит двигаться сквозь время, не сгибаясь под его грузом и накапливая силы. Казалось, предвидя и ощущая скрытую жизнь вещей, Алес-

сандро почувствовал необходимость отпустить на свободу некоторые формы, вырвать их из стратиграфии штукатурки, которой различные обитатели этого места покрыли пейзаж. В этом стремлении нет никакого антикварного подтекста: идти по следам, собирать фрагменты для него означает только лишь поиск жизни. А жизнь – она повсюду. Даже в крошечной гравюре на стене. В изображении тигра, распластанного по подкладке куртки. В платке, внезапно превращающемся в рубашку. И это не метафора. Если все образы – формы жизни, то нет разницы между человеческими артефактами, растениями и животными. В тот же самый день, показывая мне столетний дуб перед домом, Алессандро сказал: «Этот дом – как сама природа, а природа – как этот дом».

Поэтому и дизайн одежды ничем не отличается от способности слышать и распознавать голоса животных. Понимание силуэта и цвета юбки или брюк означает попросту расширение этой способности слышать и распознавать голос и слова другого в любом кусочке материи мира. Любая материя обладает способностью говорить – поэтому все ее формы живые. Все формы жизни высказываются, и именно поэтому мы позволяем им существовать на нашем теле, прижавшись к нашей коже. Это рты, лица, глаза, которые расширяют наш опыт и дают нам возможность жить более насыщенной жизнью, поскольку придают всему, что мы испытываем и высказываем, особый колорит.

Мода не только позволяет распознать тайный язык вещей: она прежде всего позволяет и нам овладеть им, стать чревовещателями от имени всей материи космоса.

Годы, которые Алессандро Микеле провел в мире моды, стали упражнением в медленном обучении и постоянном освоении нового, и это позволило человеческим телам, с помощью одежды и аксессуаров, вновь соединить формы и дискурсы родом одновременно из прошлого и будущего. За эти годы мода изменилась, она смогла стать новым видом колдовства: способностью видеть жизнь там, где иные видят только внешность, цвет и геометрию. В его творчестве воплотилось это пока никем не признанное единение моды и философии.

Поворот, благодаря которому он пришел к философии, был вызван вовсе не тем нерешительным эрудированным стремлением, что приводит к оправданию искусства теорией. Нет, это было, наоборот, стремлением к свободе. Мода – это дисциплина, помогающая жизни освободиться через свои собственные формы. Философия же – глоток воздуха, дающий свободу мысли, оживающей во всевозможных играх воображения.

Не существует ничего более свободного, чем философия. Не только потому, что идеи высвобождают все формы жизни, которых касаются. Но прежде всего потому, что думать можно о чем угодно и на основе каких угодно выво-

дов и какого угодно опыта. Мысль вездесуща. Даже в кино. Даже в мебели. Даже в одежде. Наивно было бы искать ее только в форме особого языка – неважно, будут ли это слова, изображения или материальные формы. И притворяться, что распознаешь ее только в определенной письменной форме или в виде аргументации, – не более чем способ самообмана.

Даже «официально» признанные по всем философским канонам сочинения демонстрируют эту свободу форм и выражения. Думать – это высвобождать идеи, а с их помощью – языки и тела, которыми мы владеем. Вот почему философия кажется столь естественно привлекательной для моды. Словно через моду и фасон платья мысль обретает одновременно форму тела и форму мироздания, превращается в субъективный опыт и объективный внешний вид, мирское событие и размышление о происходящем. Мысль превращается в рубашку, сумку, пояс – то есть воплощается в жизнь, созидающую мир как длящуюся возможность совпасть с собственной свободой.

Нет на свете ничего более свободного, чем мода. Еще с XV века мы называем искусством все возможные манипуляции с обыкновенными материалами – такими как ткань, бронза, мрамор, пластик, – позволяющие нам не только выразить нашу личную свободу, но и прославить ее, возвысить, сделать еще более радикальной и всеобщей. С давних пор мы воспринимаем произведения искусства как нечто

вроде талисмана, способного освободить не только того, кто его создал, но и того, кто его рассматривает. Не имеет значения, удаляем ли мы лишнее из куска мрамора или дерева, наносим краски на поверхность или строим здание из камня: любые действия подобного рода создают возможность свободы. Материя всегда может стать вместилищем духа, инструментом для размышления и познания мира, то есть для обретения большей свободы.

И если мода – самый радикальный вид искусства нашего века, то это потому, что она оказалась единственной, кто захотел и смог принять ставку на авангард в начале XX века, позволив искусству и жизни сосуществовать бок о бок. Ни в чем ином не проявляется до такой степени индивидуальность. Ни в чем ином в повседневном опыте не совпадают до такой степени форма и содержание. Для понимания моды не обязательно идти в музей или кинотеатр. Не требуется даже напрягаться и сосредотачиваться на одном-единственном объекте. Осознание связи между искусством и повседневностью, когда речь идет о моде, не требует особых усилий: наоборот, оно делает наши ощущения от жизни более яркими и особенными.

Этот потенциал – следствие особой роли, которую одежда играет в нашей жизни. Одежда – это артефакт, используемый людьми любого класса, пола, этнической принадлежности и места жительства. Мы одеваемся каждый

день, весь день носим на себе одежду. Она – троянский конь, помогающий искусству проникнуть в любую жизнь и придать ей форму. Это хитрость, приводящая к появлению самых крайних и радикальных форм свободы, подходящих любому. Именно в этой форме свободы Алессандро Микеле смог совместить искусство и философию и показать, что столь сложное творчество, как мода, с ее одеждой, обувью, платками, сумками, а также описаниями, видео, показами и перформансами может рассматриваться как форма философии.

Речь идет не о личном суждении, более или менее профессиональном, а о теоретических выводах, в первую очередь филологического плана. Алессандро Микеле вступил в должность креативного директора модного дома Gucci 25 февраля 2015 года. Он был назначен на эту должность за месяц до того, сразу после завершения работы над мужской коллекцией, занявшей всего неделю. И в тот же день Алессандро Микеле выпустил пресс-релиз, революционный по меньшей мере по двум причинам. Его текст потряс публику и перевернул все прежние представления и клише, управлявшие ритуалами, одновременно новыми и архаичными: он начинался цитатой из Джорджо Агамбена[1]*, а заканчивался*

[1] Джорджо Агамбен (итал. Giorgio Agamben; род. 1942) – итальянский философ, преподаватель Венецианского университета и Международного колледжа философии в Париже. – *Прим. пер.*

высказыванием Ролана Барта[2]*. Алессандро Микеле заменил привычное поверхностное описание демонстрируемой одежды и более или менее внятные заметки о намерениях дизайнера «кратким философским трактатом». С этого момента в пресс-релизах, написанных совместно с Джованни Аттили, стали использоваться не только термины из мира моды, но и цитаты таких философов, как Мишель Фуко или Ханна Арендт. Эти тексты, как правило, говорили о том, что большинству было трудно понять: что философия необходима не только для того, чтобы рассказывать о моде, но и для того, чтобы понимать ее. Ведь мода сама по себе и есть философия, причем самый сложный и изысканный ее вид. Мы придумываем и создаем одежду, чтобы адаптировать идеи к нашим телам, чтобы вдохнуть в них особую жизнь и дистанцироваться наконец от приговора нашей телесности.*

[2] Ролан Барт (фр. Roland Barthes; 1915–1980) – французский философ, литературовед, семиотик, представитель структурализма и постструктурализма. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.